

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Е Ж Е Г О Д Н И К

ЧЕЛОВЕК

образ и сущность

**СУДЬБА
РОССИИ
2002**

М О С К В А

К.ВАЛИШЕВСКИЙ

ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ. “РАСКОЛ”*

Раскол значит схизма. Диссиденты семнадцатого века не называли себя сами этим именем, которым официальная церковь окрестила все их секты и которое было санкционировано обычаем. Они себя называли, как называют себя и в настоящее время его последователи, староверами или старообрядцами, т.е. приверженцами старой веры или старых обрядов. Зародившись в среде людей по большей части невежественных и ограниченных, это движение представляет на первый взгляд такую бедность идей, что развитие его становится прямо непонятным. На Западе великие религиозные конфликты противопоставляли обычно различные концепции, тезисы, основанные на некоторых важных пунктах догмы или дисциплины: троичность, божественность Христа, авторитет папы. Здесь же сражались и умирали за слова, буквы, за простые жесты! Но если между тем поближе подойти к этому явлению, то оно совершенно меняет свой вид. Под этой тривиальною внешностью скрываются более серьезные, более глубокие причины диссидентства, и религиозный кризис, заключенный таким образом в узких рамках, связывается уже с великими проблемами политического, социального и интеллектуального порядка, которые эта эпоха одновременно поставила в порядок дня.

С начала своего исторического существования славянский мир неизменно колебался между двумя противоположными течениями: между

* Печатается по: Валишевский К. Первые Романовы / Пер. с фр. В.Ф.- М., 1989.- С. 351-398.- Рспр. воспр. изд.: М., 1911.

анархией или силой центробежной и между порядком и силой концентрации. Эта борьба продолжается еще и на наших глазах. Унаследовав традиции, выработанные династией Рюрика, политика Алексея явилась великой попыткой объединения административного, политического и религиозного. Она этим вооружила против себя все элементы, стремившиеся к беспорядку и разъединению. В попытках церковной реформы, предпринимавшихся еще до Никона, исправление ритуала и священных книг являлось лишь одною из деталей. Вся организация религии требовала многочисленных поправок. Плохое распределение епархий, недостаточность храмов, невежество и безнравственное поведение священнослужителей, монастыри, обращенные в притоны разврата – все ее здание кричало о своем ничтожестве. Хроники этого времени со всех сторон вопиют о скандальных фактах. В провинции епископы были, кажется, окружены целым двором светских и духовных чиновников, походившим на свиту короля Пето, хотя и не столь веселого характера. Казначей, дьяк, два секретаря, шесть регистраторов, делопроизводитель, метрдотель, эконо́м, ключник, хранитель даров, столяр, духовник с дьяконом, сторож канцелярии, привратник, протопоп с целым клиром, церковные сторожа, служки, дюжины звонарей – таков был личный состав, которым окружал себя самый последний из этих прелатов. Прибавьте сюда еще несколько женщин, официально значащихся в списке, хотя невозможно указать какую либо их функцию. Все они практиковали симонию в огромных размерах и спорили между собою, чуть не разрывая друг друга на части и эксплуатируя при этом безжалостно свою паству. Они подавали пример всевозможных пороков. Даже в самой столице, служащие при доме патриарха были явными взяточниками. У ворот Кремля пьяные попы спорят между собою, обмениваясь всяким сквернословием, или угощают друг друга ударами кулаков. Они рыщут по улицам, насилюя девушек, валяются под столами кабаков, когда не заняты в воровских и разбойничьих шайках. Назавтра после гнусных оргий, они служат обедню еще полупьяные и произносят всякие гнусности перед алтарем.

Постоянно расширяясь, часто нечестным путем, богатство некоторых церквей и общин оставляет большую часть священников в крайней нищете, без всяких средств. Многие обращаются к тайной продаже питей или к другим еще более подозрительным занятиям. Их даже не осуждают, потому что в Новгороде митрополит увеличивает свои доходы, назначив налог на детей, рожденных вне брака.

Престиж этого клира совершенно соответствует его поведению и

закон сам санкционирует его унижительное положение: подвергшись обиде, поп имел то же право на правосудие, как какой-нибудь инородец, черемис или мордвин, и за пять рублей можно было его колотить, сколько угодно, лишь бы не убить.

Недостаточное количество храмов и разврат священно-служителей приводят к тому, что задолго еще до отделения расколом огромное число православных оказываются исключенными фактически из официального прихода, никогда не слушая службы и умирая часто без исповеди.

Вот против этих то беспорядков и вопиющих злоупотреблений и вооружился первый опыт реформы. Около 1644 г. Никон опубликовал и послал по епархиям инструкцию, имевшую своей целью подчинить назначение клира более строгому выбору.

Открыв богатые библиотеки некоторых церквей и монастырей, стараясь пробудить в тех же местах умственную деятельность, заглохшую с шестнадцатого века; дав новый импульс школе Чудова монастыря, основанной в 1633 г., субсидируя школу св. Андрея, недавно созданную Ртищевым; улучшая и умножая типографии, он надеялся получить реальный прогресс на этом пути. Мы видели также, с какой суровостью он наказывал проступки своих подчиненных.

К несчастью, ему не доставало в этой роли судьи авторитета личного примера, а с другой стороны в реорганизацию такой распущенной церкви одновременно производимая реорганизация государства вносила в некоторых отношениях разногласия. Политическая эволюция семнадцатого века, как мы это знаем, имела тенденцию слить обе эти власти в одной иерархии, где, подчиняясь совершенно естественно светскому авторитету, духовный клонился к уничтожению. В то же время централизаторское течение закончилось с этой стороны полным переворотом в режиме приходов. Организмы, до сих пор автономные, основанные до того на принципе избрания священнослужителей прихожанами и разделение административной и юридической власти, выполняемой сообща, они стали простыми округами, подчиненными вместе с управляющей ими епархией главенству светской власти. Логическим последствием этого нового порядка вещей должно было явиться по крайней мере то, что, обращая членов клира всех степеней в чиновников, подчиненных его власти, государство приняло бы их содержание на свой счет. Но оно этого не сделало, и отсюда между этими приходами, лишенными права выбирать своих священников, и между священниками, которых они же продолжали кормить, образовалась глубокая вражда, следы которой заметны и до сих пор. Отсюда также и

другая причина недоверия, всегда так тяжело отзывавшаяся на несчастных сельских священнослужителях, вдвойне приниженных, как властью, так и теми, от кого они ждут хлеба.

Впрочем, нужно отметить, московское государство семнадцатого века не было еще само на высоте того положения, которое оно взялось выполнить. Как в церковных порядках, так и в политических, прибегнув к репрессии, чтобы уничтожить беспорядок, оно только заменило злоупотребление свободой злоупотреблением властью. И ему кроме того не доставало авторитета. В новой иерархии власти церковная и гражданская были представлены двумя индивидуальностями – династией Романовых и патриархатом, одинаково возникшими лишь со вчерашнего дня и старавшимися сообща пробить себе дорогу путем кропотливых нащупываний. Алексей разделял свои прерогативы государя с Никоном, так что часто трудно было понять, кому из них принадлежит инициатива.

Собор 1666 г. незадолго до этого осудил в очень сильных выражениях решение Собора 1651 г., обвиняя их авторов в невежестве и безумии. Все это не могло создать уважение и повиновение. И вот, наконец, это государство и эта церковь, соединившись как-то нескладно в общем деле скупа и деспотизма, чтобы лучше подчинить себе волю и совесть мятежников, сообща апеллировали к иностранцам. После целой массы немцев, голландцев, англичан, взятых на жалованье для того, чтобы мучить дух и тело бедного московского народа, ему нужна была еще целая свора греческих или украинских монахов для управления верою! И это было сделано в тот момент, когда, следуя близко от тех проломов, которые были сделаны на границе страны польским нашествием, римская уния завладевала в свою очередь религиозною областью святого Владимира.

Перед этой двойной атакой дух беспорядка, инстинкт самосохранения и национальное чувство соединились в народных массах, и Раскол нужно рассматривать как неизбежное следствие такого соединения. В течение многих веков находивший себе последовательно подтверждение в анархической организации веча, в бурном режиме уделов и в антиполитическом и антисоциальном явлении казацких шаек и братств, дух независимости, мрачная обособленность и буйство, свойственное славянскому гению, снова появились под этою новою формою. То направление умов, которое было свойственно людям этой страны, требовало между тем, чтобы это движение приняло, особенно вначале, характер исключительно религиозный. В Москве все делалось под покровом религии, все к ней сводилось. И с другой стороны, обусловленный совокупностью сложных причин, смутных исторических

воспоминаний, плохо проконтролированных впечатлений, поспешных концепций, предубеждений и сомнений – острый пароксизм латинофобии на религиозной базе сыграл, конечно, значительную роль в кризисе.

Порядок политический и моральный смешались тут в одном и том же осуждении. Будучи такого же экзотического происхождения, как и самодержавие царей, наука этих иностранных учителей казалась лишь одним приказом больше для того, чтобы увеличить тягость всеобщего рабства. Местами раскол должен был обнаружить сепаратистские тенденции, как это свидетельствует один из самых любопытных памятников его литературы: “Повесть о белом клобуке”. Этот “белый клобук” – эмблема независимости Новгорода.

Большинство диссидентов повиновалось на самом деле лишь бессознательно этим главным импульсам. Они выставляли в споре с противниками совсем другие мотивы, которые, без сомнения, не были чужды образованию раскола, но играли в нем второстепенную роль. В их умах и в глазах современников раскол получил в общем значение протеста, либо против новшеств, вводимых в то, что диссиденты называли “своею верою”, либо против распущенных нравов официальной церкви. Мы не рискуем теперь после близкого изучения фактов ошибиться на этот счет. Лазарь уличал дерзких исправителей священных книг, но чаще он направлял свои нападки против “философов”, окружавших царя, тех святотатцев, “которые думали измерять аршином хвост звезд”. Он отдавал предпочтение местным ученым, которые, как будущий апостол Раскола, исцеляли на больших дорогах больных с помощью порошка, приготовленного из сушеного сердца новорожденного ребенка. Неронов обличал в недостойных выражениях испорченность клира, но в то же время в своей переписке с Бонифатьевым, он наивно жаловался на то, что его сына преследовали за кражу драгоценной утвари в Казанском соборе. На деле также отказ подчиниться дисциплине испорченной церкви, которую они покидали, должен был у большинства раскольников закончиться другими и еще худшими уклонениями. Аввакум первый, как ни был он лично чист, сделался впоследствии защитником свободной любви, отождествленной с “любовью во Христе”; различные секты практиковали ее без всякого стыда, а знаменитая основательница одной из самых уважаемых диссидентских коммун, Акулина являлась в сущности лишь сводницею.

Вообще начало Раскола можно связать еще с особым движением, вызвавшим к жизни на всем пространстве европейского континента монашеские учреждения средних веков. Среди общей разрухи, которая

явилась наследием Смутного Времени, инстинкт диссоциации, так сильно свойственный славянскому темпераменту, не мог также не последовать по этой наклонной плоскости. И на деле мы видим, что это желание изолироваться, уйти из общества к независимому существованию значительно усилилось в течение семнадцатого века. При девятиста монастырях, основанных в этой стране между одиннадцатым и четырнадцатым веками и при сотне в пятнадцатом, эпоха первых Романовых насчитывает до двухсот пятидесяти новых учреждений. Они зарождались здесь и развивались самым простым способом. Соседи или прохожие узнавали о существовании схимника; они присоединялись к нему, строили вокруг его кельи свои, затем строили церковь во имя Богородицы или какого-либо прославленного святого; первый встречный игумен постригал основателя пустыни в монахи, ближайший епископ производил рукоположение и таким образом одним монастырем оказывалось больше.

Но еще чаще эти колонии схимников не имели средств или желание добиться официального признания. Это и не нужно было. Одежда делала монаха; соединяя вокруг себя около двадцати учеников, пришедший первым, — это был обыкновенно старик, — поучал их, как понимал сам, истинной вере, или правильному толкованию священных текстов; не будучи священником, он служил в построенной им церкви, говорил с горечью о местных духовных властях, с печалью вообще о православной церкви, как и об обществе, и таким образом еще задолго до Никона раскол свил себе гнездо в тиши густых лесов, в глуши затерянных деревень, на отдаленных пустынных прогалинах северо-востока, под видом скромного протеста против всего, что делалось в других местах, в центре этого мира непрерывного разврата, от которого они оторвались.

В области Владимира, возле города Вязников, в глуши густых лесов по берегам Клязьмы, монах Капитон поселился таким образом в конце 1650 года. Он был уже очень стар, думают, что ему было почти сто лет. Он вел всегда бродячую жизнь, нигде не задерживаясь надолго. Много раз его заточали и в настоящих монастырях для покаяния; всегда ему удавалось уйти, благодаря своему красноречию, как и престижу, созданному упорным воздержанием. За ним числилась репутация святого и выдающегося защитника веры. Между тем его доктрина ограничивалась лишь соблюдением правил самого сурового аскетизма и отрицанием всякой церковной иерархии.

Так родилась беспоповщина, причем идеи Капитона, толкуемые различно, породили множество и других сект. Сектантство,

насчитывающее теперь в России многочисленных приверженцев, произошло из того же источника, и основатель секты хлыстов Данииил Филиппов, родом из Костромы, там же черпал свое вдохновение. Эти черты являются общими для большей части религиозных эволюций. Благодаря другим своим частностям, однако, раскол принимает особенный и совершенно своеобразный характер.

В своем развитии эта схизма подчеркивает вначале неслы-ханным образом свой природный мизонеизм. Она воздвигает, наконец, в догму абсолютное уважение ко всему, что являлось старинным. Кроме того она стремится подчинить раз установленному канону все элементы общественной жизни: государство, общество и семью. Осуждение всякого прогресса являлось отсюда естественным последствием.

Ничто не должно больше менять своего положения. Окончательный тип национального существования был объявлен отныне готовым: не *vari-etur* раз и навсегда. Он соответствовал впрочем представлению о Москве в том виде, в каком она рисовалась умам в течение всего шестнадцатого и первой половины семнадцатого века. Благочестивый царь с бородой, одетый в золотую парчу и осыпанный драгоценными камнями, – по изображению, данному художниками того времени Феодору Иоанновичу, сыну Грозного. Он ходит по церквам, подолгу молится и не имеет никаких других забот, ни функций. Его сопровождают также бородатые и “некурящие” бояре, “поддерживающие его под руку”, и в этом заключается все их занятие. В приказах другие бояре, также бородатые и суровые, отправляют дела, творят суд по канонам, но не манкируют церковной службой. Они строго соблюдают посты, ходят в баню по субботам, принимают участие в воскресенье в процессиях, совершают частые паломничества и главным их занятием служит запрещение народу дьявольских игр и развлечений, уничтожение театров, запрещение танцев, музыки и маскарадов и они в особенности противятся вторжению иностранных наук, противных духу русского народа и учению св. отцов.

Таков был идеал, призванный вечно существовать.

Новшества осуждались не потому, что они по существу своему были плохи, но потому, что они были новы. Три века позже в госпитале раскольников Рогожской общины по той же причине воспрещены железные кровати. Единственные священные книги, которые допускались расколом, были те, которые печатались при пяти первых патриархах: Иове, Гермогене, Филарете, Иосафате и Иосифе! В этих текстах каждое слово, каждая буква имели значение догмы. Они содержали в себе лишь ее одну! Главными пунктами доктрины являлись: орфография Иисус, слово

“истинный”, уничтоженное Никоном в символе веры, двойное аллилуйя, служение обедни семью просфорами, восьмиконечный крест, шествие в ходах по солнцу и знак двуперстного креста.

Старинные обряды чисто местного характера таким образом считаются единственно точными толкованиями вечных истин, и Раскол им приписывает кроме того силу спасения, независимо от морального достоинства или от силы религиозного чувства тех, кто их соблюдает. То была доктрина спасения не по вере, а по обряду.

То было также отрицание внутреннего смысла, первоначально связанного с этими формами религиозной жизни, в которых отмечался и солидизировался ряд моральных элементов, способных, думалось, склонить людей к лучшим делам и в которых церковь видела средство вновь воскресить в назидание верующим тот или другой важный момент их прежнего существования. Упуская из виду эту первоначальную мысль, Раскол брал на себя задачу переделать нелепым образом работу древних христианских коммун, чтобы наполнить пустой сосуд, оживить мертвую букву посредством совершенно произвольных толкований. И, следуя этому пути, он должен был с течением времени перестроить с помощью смелых дедукций всю священную историю, изобрести более новые и более смелые символы, чем все те новшества, которые он осуждал. Таково, например, было рассуждение, изобретенное толкователями раскола по поводу воскрешения Лазаря.

Лазарь никогда не существовал. Его смерть – это грехи, его сестры – олицетворяют собою тело и душу его, его могила это мирские дела, его воскресение, наконец, символизирует раскаяние.

Рационалистские или протестантские идеи не были чужды этой эволюции. В своей борьбе с католицизмом православные богословы польских провинций прибегали охотно к литературе реформированных церквей, заимствуя, например, у Лютера его тезис о папском Риме, в виде апокалипсического Вавилона, и отождествляя Антихриста с папою или скорее с принципом, представленным в папстве. Более или менее непосредственно Раскол воспользовался этим, заменяя одну гипостазу другою, папу патриархом.

Перенеся в то же время и по той же системе свою основную доктрину на политическую и социальную почву, он показал себя одинаково враждебным и обычаям и порядкам, в которых религия даже не была заинтересована, но в которые он ее впутал путем ряда уловок. Никаких переписей, так как Бог разгневался на Давида, когда он послал Якова сосчитать народ Израиля. Никакой подушной подати, по местной

терминологии, так как душа сотворена по образу Божию. Никакой военной службы позже, в виду огнестрельного оружия, неизвестного Священному Писанию, или в виду того, что слово “солдат” имеет отталкивающее сходство с именем Сатаны. В пророчествах или Деяниях Апостолов раскольники даже находили аргументы против употребления бритвы, а ношение галстука возбуждало в них отвращение.

Дойдя до этого, раскол принимает вид окаменевшего сколка старой Москвы. Между тем в нем билась интенсивная жизнь и обнаруживала свою способность к силе сопротивления и пропаганды, к независимому развитию, на которое не могли воздействовать два века преследования. Продолжая существовать и расширяясь при этом, раскол и сам эволюционирует, вопреки своему основному принципу, казалось, налагавшему на него неподвижность; он становится разнообразен до бесконечности; в его недрах зародятся позже крепкие организмы и будут стремиться осуществить многочисленные способы существования, в гармонии с различными способами веры. Наступит также день, когда революционеры, свободные от всяких исповеданий, а в то же время и реакционеры, одинаково индифферентные к догматическим спорам, будут оспаривать этого загадочного союзника, видя в нем, одни – орудие социалистической и даже антирелигиозной агитации, другие – элемент зародыша политического и социального возрождения. Таким образом некоторые историки, между ними Костомаров, а потом Милюков, видели в адептах дикого мизонеизма работников известного прогресса. Осуждая современное им общество на вечную неподвижность, Лазари и Аввакумы тем не менее вводили в него, всегда бессознательно, принципы, самые противоположные этому постулату. Остановившиеся в своем росте или ретрограды по отношению к интеллектуальному движению их страны по пути цивилизации, они тем не менее принимали участие в этом движении, прибавляя к пробуждению мысли пробуждение религиозного сознания.

Подчинение официальной церкви государству было возможно в эту эпоху лишь благодаря полной индифферентности заинтересованных в этом лиц. Привлекая к себе верующих, относительно наиболее ревностных к свободам, таким образом нарушенным, Раскол облегчил еще это подчинение, но он дал в то же время духу независимости приют, предназначенный для его сохранения и для развития в нем энергии. Во всех этих отношениях великий Раскол семнадцатого века был олицетворен до некоторой степени в личности и жизни самого деятельного и самого популярного из его вожakov, очень выразительную и привлекательную фигуру которого будет кстати нарисовать здесь.

Перед нами один из последних представителей той эпической фаланги героев, которые, начиная с легендарных сподвижников Владимира, не переставали растрачивать с большой силой, и не без эксцессов, на дела самого различного свойства и часто мало достойные подобных усилий, свой бурный темперамент, в котором бродили ничем не сдерживаемые силы. Вокруг нового богатыря, как в киевской эпосе, группируются многочисленные статисты, но на этот раз совершенно иного рода. Это аскеты и юродивые, как их тогда называли. По своему они возобновляют подвиги Ильи Муромца и Добрыни, борясь босыми ногами и в одной рубаше с самыми жестокими морозами или влезая без всякого колебания в истопленные хлебные печи. Предсказатели, ясновидцы и чудотворцы, они пробиваются чрез тройные ряды солдат и смело говорят с государем, подавляя его силою своего слова или ослепляя совершаемыми чудесами. Иногда однако им не удается заставить себя слушать и их предают жестоким испытаниям. Ссылаемые в Сибирь, они сталкиваются там с другими героями, эксплуататорами и покорителями северных пустынь, московскими Кортесам и Писарро, борющимися в этой стране с жестокостью и дикостью зверей и людей. Так возникали страшные столкновения, в которые и те и другие вмешивались не менее страстно и сильно.

Родившись около 1620 г. в Новгородской области, по его собственному свидетельству, от пьяницы попа и матери, исповедывавшей самый строгий аскетизм, Аввакум подпал с колыбели влиянию двух нравственных типов, разделявших тогда большинство московских семей. В двадцать три года он женился на дочери кузнеца из своей деревни, Настасье Марковне, и тотчас же после этого получил скромный приход. Он вскоре вооружил против себя своих прихожан беспокойным рвением и крайней строгостью, вошел в распрю с местными властями, ревностными чиновниками, отвечавшими на его ругательства ударами. Избитый однажды почти до смерти в своей церкви, вытасченный на другое утро за волосы из своего дома, несмотря на священные облачения, в которые он был одет, изуродованный через неделю после этого одним изувером, который откусил у него палец своими зубами, он спасается в Москву, находит там покровителей, отсылается обратно в свой приход и начинает снова.

Он принимается за вожаков медведей, которых он прогоняет, убивая при этом одно из животных и освобождая другое к великому неудовольствию зрителей. Затем он наносит оскорбление могущественному воеводе Василию Шереметеву, отказав в своем благословении сыну этого провинциального царька за то, что тот отрезал

себе бороду. Отец приказывает бросить в Волгу дерзкого попа. Спасшись неизвестно каким образом из воды, Аввакум добивается перевода в Юрьевец, где получил повышение, получил также звание протопopa. Но через два месяца он снова возбудил против себя народ и клир, мужчин и женщин. Выведенная из себя толпа осаждает его в доме патриарха, куда призвали его обязанности службы. Аввакума вытащили наружу, били кнутом, топтали ногами, оставили почти мертвым на месте; ему едва удалось добраться до дому, но и там его окружили с криками: – смерть сыну б.....! – И это кричали в один голос и священники и женщины.

Покинув свою жену и детей, он находит возможность сесть в лодку на Волге и пробраться в Кострому. Но там жители также выгнали своего протопopa Даниила, которого они обвиняли в участии в исправлении святых книг и обрядов и, заподозрив и Аввакума в том, что он разделяет подобные наклонности, они оказывают ему неприязненный прием.

Эти события происходят в 1651 г., и в этот момент, как помнят мои читатели, будущие раскольники были еще на стороне реформы.

Аввакум возвращается затем в Москву и входит в интимные отношения с Бонифатьевым и Нероновым. Он не принимает участия, как это предполагали, в их работах. Для этого он слишком мало знает. Но за неимением другого занятия он, вероятно, заведует типографией.

Поссорившись вскоре с Никоном, при уже известных нам обстоятельствах, он меняет лагерь и обращается в ярого защитника старого ритуала. Арестованный в 1653 г., еще раз подвергшись побоям и тасканию за волосы, закованный в цепи, он проводит три дня в темной камере без питья и пищи. У него хотят отнять рясу, но царь вмешивается в дело, и его ссылают в Сибирь с женою и детьми.

Это путешествие, которое он вынужден делать сушею и водою, продолжалось тринадцать недель. Настасья Марковна рождает в дороге. В Тобольске изгнанник сначала был хорошо принят архиепископом Симеоном, тайным приверженцем рождающегося раскола, и воеводою, князем Василием Хилковым. Но в отсутствие архиепископа у его протезе происходят страшные распри с дьяком, Иваном Струною, которого он хотел побить кожаным поясом. Он рискует снова быть зарубленным или брошенным в воду. Желая его спасти, жена воеводы думает его спрятать, как второго Фальстафа, в большом чемодане. Перед этим взрывом гнева он на некоторое время успокаивается, сохраняя непримиримость своего взгляда и невоздержанность своего усердия. Но одно видение заставляет его сожалеть об этой полукапитуляции и, когда пропаганда, которую он ведет с новым жаром, начинает становиться беспокоящей, его отправляют

подальше, в Енисейск. И вот он в качестве священника назначен в отряд Афанасия Пашкова, занятого в то время покорением для царя новых земель и новых подданных.

Пашков не похож на добродушного воеводу Тобольского. Аввакум на этот раз имеет дело с другим богатырем и между этими людьми, одинаково деятельными и предприимчивыми, в различных сферах, трудно установиться пониманию. Тот вынужден был ввести в отношения к своим людям железную дисциплину и, пытаясь смягчить строгости, Аввакум не обладал при этом ровно никакою мягкостью и умеренностью. У него не было авторитета и потому он в глазах сибирского колонизатора являлся лишь преступником и почти раскольников. Несомненно кроме того, что исполняя свою миссию, Пашков обнаруживал страшную грубость и тот дух чрезмерного произвола, который был столь свойствен его соотечественникам, и носит у них название “самодурства”.

Первая ссора, по рассказу Аввакума, вышла из-за двух женщин, из которых одной было шестьдесят лет, а другая была еще старше: они находились в шайке казаков, встреченных экспедиционным отрядом. Они были вдовы и искали монастыря, где они могли бы постричься, по обычаю того времени. Но Пашкову вздумалось их выдать замуж, Аввакум запротестовал, против этого. В это время шли вниз по Тунгуске. Воевода приказал посадить священника, велел ему следовать за ними пешком. Когда он стал протестовать, Пашков бросил его ударом кулака на землю и оставил его в таком положении. Лишенный своей одежды, избитый, Аввакум оставался всю ночь под холодным дождем.

Через несколько дней судно, на котором ехал Пашков село на мель. Сын воеводы, Иеремия, вступился за священника. Он усмотрел в этом случае небесное наказание. Рыча, как дикий зверь, говорит Аввакум, Пашков схватил мушкет и три раза выстрелил в дерзкого. И три раза произошла осечка. Если этот факт и верен, то он доказывает лишь плохое качество боевого материала, которое употреблялось в то время покорителями Сибири. Нужно предполагать, что все это было рассказано Аввакумом не так, как оно происходило на самом деле. Если верить ему, то такое чудо вызвало в воеводе чувство раскаяния, однако не помешавшее ему употребить против чудотворца другие жестокие меры. Брошенный в подземную тюрьму, священник чуть не был съеден крысами и не каждый день имел там пищу. Содержимый в холоде зимою, он был весною переведен в слишком нагреваемую камеру, где чуть не задохся. Он не мог даже ходить за двумя своими больными детьми, которые умерли один за другим, и когда экспедиция тронулась в путь, ему пришлось сопровождать

ее пешком, по крутым тропинкам, где несчастная Настасья Марковна часто падала.

Среди многочисленных противоречий большая доля сильного воображения легко угадывается в рассказе об этих испытаниях, сделанном их главною жертвою. “В продолжение десяти лет”, говорит наивно автор, “Пашков, право не знаю, мучил ли меня или сам был замучен мною”. Каждый из них, конечно, вкладывал свое и “десять лет” указывают у одного из мучителей на решительную долю воображения. Изгнание Аввакума в Сибирь состоялось в 1653 г., а уже в 1661 протопоп был снова призван в Москву. Никон пал и, желая обеспечить немилость, в которую впал патриарх, бояре считали полезным вернуть одного из его самых ярых противников, к которому к тому же и Алексей сохранял большую симпатию.

По свидетельству историков Раскола, Аввакум должен был быть принят в столице, как “посланец неба”. Один из князей Хованских, может быть, Иван Никитич, тот самый, который никак не мог простить Никону, что он заставлял его поститься во время путешествия в Соловки в 1652 г., предложил апостолу гостеприимство в своем доме, и мы видели уже, что в этот момент Раскол находил себе действительно приверженцев в одной части местной аристократии. Но было еще далеко до того, чтобы Аввакум, как он без сомнения воображал, явился в Москву в качестве триумфатора. Осложненное различными перипетиями, его возвратное путешествие продолжалось около трех лет и в это время обстоятельства изменились. Никона уже нечего было бояться, так как дело реформы взяло верх в официальных сферах. Возвращенный из Сибири явился лишь помехою и теперь уже казался человеком неудобным.

В Тобольске он свиделся с другим знаменитым изгнанником, Крыжаничем и дал в этом случае доказательство крайней узости своих идей. Крыжанич описал последовательно все детали этой короткой встречи. Решившись отдать визит протопопу, он был остановлен им на лестнице.

— Не двигайся вперед! Останься тут! Какую религию ты исповедуешь?

— Благословите меня, отец...

— Я не даю благословения, не зная за что. Исповедуй сначала твою веру!

— Почтенный отец, я верю во все истины, предписанные святою апостольскою церковью; я принимаю, как счастье, благословение всякого священника, и поэтому я и прошу вашего. В деле веры я готов объяснить с епископом, но не с путешественником, заподозренным по этому же поводу. Если вы не хотите меня благословить, то Бог с вами.

Между католическим аббатом Крыжаничем, готовым на компромисс, и суровым священником Раскола, какая большая разница.

Соблазны, ожидавшие Аввакума, были такого рода, что по его собственному признанию, искушение чуть не заставило его прекратить борьбу. Некоторые бояре его обласкали. Алексей сам дал ему аудиенцию и назначил ему помещение в одном из монастырей Кремля. Сблизившись таким образом, царь и апостол часто виделись друг с другом и государь постоянно низко кланялся при проходе прежнему изгнаннику и просил его благословения; Аввакум по крайней мере это утверждает. Если верить ему, то ему даже предоставляли свободный выбор занять какое угодно место, хотя бы духовника государя, под одним условием отказа от раскола. В противном случае Стрешнев был уполномочен объявить ему решительно: уважая его убеждения, ему позволяют молиться, как он хочет, но требуют, чтобы он молчал.

Он обещал хранить молчание. В Сибири однажды его жена, обессиленная, измученная на скалистой дороге, спросила его:

– Долго ли еще мы будем так страдать?

– До самой смерти, Марковна, – ответил Аввакум сурово.

Он дрожал теперь, но не за себя, конечно, а за своих при одном воспоминании об этой скорбной Голгофе. Это можно предположить по его исповеди и этому можно поверить. Под грубою оболочкою вечного борца у него было чувствительное и сострадательное сердце.

– Ты и наши дети связывают мне язык! – говорил он своей спутнице.

Но храбрая женщина вскричала:

– Как можешь ты так говорить, Петрович! Иди в церковь и обличи ошибки еретиков!

Он медлил ей повиноваться, сам, без сомнения, несколько утомленный. Сам пощаженный, он щадил в свою очередь других, стучевался и скрылся в тиши укомных монастырей и интимных кружков. Но обстоятельства выдвигали его на первый план. Бонифатьев был мертв, Неронов примирился с официальною церковью. Аввакум сделался главою. Окружив попа ореолом мученичества женщины выдвигали его вперед своими демонстрациями. Все более входя в ту роль, которую они ему намечали, уступая все более своей природной наклонности, он мог еще некоторое время укрыться от проявления слишком заметной деятельности. Он влиял на терема, революционизировал монахинь Вознесенского монастыря и, поднав его влиянию, игуменья их, Елена Хрущева, принудила сестер этого монастыря отказаться от официальной литургии. В ожидании Собора, который должен был решить окончательно вопрос о реформе, и

среди работ, созданных выходками Никона, диссиденты пользовались временно довольно большою свободою. В различных частных домах они безнаказанно устраивали собрания, часто очень воодушевленные. На них обыкновенно председательствовал Аввакум, при чем горячий его темперамент находил себе там опасное возбуждение.

Вернувшись однажды от Ртищева, после бурных диспутов, с которыми он едва мог справиться, он обрушил свой гнев на протопопицу и на одну вдову, Фетинью, которую он приютил у себя. Обе женщины также заспорили. Он избил их, но потом, когда подошел к эпилептику Филиппу, который был его вторым гостем в доме и которого он считал одержимым сатаною и держал в цепях, в надежде, что изгонит беса, этот человек, обычно тихий, встретил его ужасною бранью и ударами, хотел его задушить и закричал ему:

– Я тебя не боюсь!

Аввакум понял, говорит он, что божественная милость оставила его по причине той вспышки, которой он поддался, и сейчас же, собрав своих слуг, он потребовал, чтобы каждый из них, – а их было двадцать, – дал ему по пяти ударов кнутом по голой спине. Его жена, у которой он предварительно просил прощения, и дети его тоже должны были принять участие в этом исправлении, и били его со слезами, как он это приказывал. И вот тогда демон оставил Филиппа.

К концу шести месяцев, проведенных таким образом, апостол уже не был в состоянии сдерживаться. “Он стал снова ругаться”, по его собственному выражению. Он обратился к царю с жалобой, текст которой не дошел до нас, но смысл ее довольно точно установлен рядом показаний. Аввакум в ней говорил, как власть имущий, указывая на кандидатов по своему выбору на разные епископские должности, метал громы против новых духовных и умственных вождей, поставленных Москвою, и называл их “собачьими сыновьями”. Результат был таков, какого и следовало ожидать: по новому приказу он был изгнан 29 августа 1664 г. в Пустозерск, в самое ужасное место той Сибири, которую Аввакум так боялся увидеть снова.

Он не отправился туда тотчас же. Эта мера, кажется, вызвала протест даже со стороны близких к Алексею лиц и послужила поводом к тяжелой размолвке между ним и его женою. Принимая во внимание то, что нам известно о Марье Ильиничне, это свидетельство Аввакума вполне допустимо. До 1667 г. его таскали из монастыря в монастырь, отдавая его под суд, но все отсрочивая заключение, видимо, не зная, что делать с этою неприятною личностью. Наконец его процесс был соединен с таковым его

единоверцев, представших в это время перед Собором и его поведение перед высоким собранием еще усугубило его вину. Поэтому он был отправлен в Пустозерск, лишенный предварительно священнического звания и преданный анафеме.

Он разделил там свое заключение с Лазарем и с другими московскими видными раскольниками; принял участие вместе с ними, как мы это увидим, в выработке свода доктрин, являющихся еще и до сих пор основанием Раскола, и затем вместе с ними был сожжен живым в 1681 г., став окончательно таким образом исповедником и мучеником новой церкви.

Аввакум ученик Домостроя. Даже на свободе его жизнь проходила среди лишений и всякого умерщвления плоти. Он почти не спал и все ночи напролет молился. Вечером, прочитав свой требник и потушив огонь, он еще пятьсот раз простирался впотьмах перед святыми образами, читать шестьсот раз Отче Наш и сто раз Богородицу. Так как он сводил благочестие к строгому соблюдению старых обрядов, то видел мораль в отказе от мира, от всякой земной радости. Он только не понимал, что в религиозной области уважение к догме совершенно поглощает дух верующих: вне же этой сферы он не допускал никакой области умственной работы. “Ритор или философ не могут стать христианами”, объявлял он решительно.

Суровый по отношению к другим, когда в дело вмешивались религия или мораль, как он их понимал, он не менее того был суров по отношению к себе. В деревне, в молодости он пленялся иногда красотой исповедуемой им молодой женщины. Немедленно же он зажигал три лампы, простирал одну из своих рук над огнем до тех пор, пока нечистое желание в нем не утихало. Еще позже он поддался подобному же искушению. В Тобольске, когда одна девушка из его домашних близко подошла к нему, он быстро зашел за стол и принялся молиться, “боясь дьявольского искушения”.

Демократический инстинкт, так глубоко внедрившийся в народных массах его страны, толкает его больше, чем всякий другой импульс, взять на себя защиту, когда ему представлялся к тому случай, всех слабых и угнетенных, и мы видели, что способ, каким он это проделывал, был лишен всякого благодушия. Домострой хранит в себе гораздо более оснований языческих, чем христианских и, при ближайшем рассмотрении, раскол носит тот же характер. Все главы его насильники. Лишенный священнического сана еще до Аввакума, Логгин плюет в Никона и бросает ему в лицо свою одежду в присутствии царицы. В знаменитой пустыни Нила, когда один из священников стал служить на пяти просфорах,

церковный сторож, преданный Расколу, пустил ему в голову кадильницу с горящими углями и вслед затем началась общая драка. Принимая однажды одного монаха и заметив, что он пьян, Аввакум живо его спросил:

– Чего ты хочешь?

– Царства Небесного... и так далее!

– Друг, по моему, ты с утра пропустил уже более одного стакана.

Не окажешь ли еще честь напитку, который я тебе предложу?

– Конечно!

Схватив своего гостя, он его растягивает на скамье, крепко к ней привязывает и вооружается толстою палкою. Затем он прочитываете заупокойные молитвы, приказывает монаху проститься с присутствующими и наносит ему страшный удар по затылку. Пациент моментально вытрезвился, но палач не оставил его в покое. Дав ему четки в руки, он заставил его сделать пятьсот поклонов, потом приказал ему раздеться, оставил на нем одну лишь рубаху и принялся молиться около него вместе с церковным сторожем, сопровождая каждое чтение “Отче Наш” и Богородицы ударом кнута. Монаху удалось наконец спастись еле живым и полуобнаженным.

Другой раз Аввакум становится случайно свидетелем прелюбодеяния. Сцена эта рассказана им со всеми деталями крайнего реализма. Застигнутый врасплох, мужчина поднимается и бормочет протопопу слова извинения. Гораздо более смелая, оправляя панталоны, женщина бесстыдно отрицает совершенный грех. “Женщины этого сорта носят панталоны” замечает Аввакум, случайно сообщая нам одну из тайн женского туалета той эпохи. Этот случай происходил в Сибири, и виновная была отдана священнику на исправление. Аввакум посадил ее в погреб и выдержал в темноте и холоде в течение трех суток, лишив ее пищи. Когда она ночью принималась кричать, смущая его в его молитвах, он выводил ее из заключения и говорил ей:

– Хочешь водки и пива?

Дрожа, она отвечает ему:

– Что мне делать с этими напитками? Ради Бога, дайте мне кусок хлеба!

Невозмутимо он принимается не кормить ее, а поучать.

– Пойми, мое дитя, сущность вещей. Желание питает разврат, а желание рождается от невоздержности, благодаря отсутствию разума и равнодушию к Богу. Пьянство и обжорство вызывают желание наслаждения, как телица, ты выжидаетшь сильного быка, как кошка, ты караулишь котов в любовном блаженстве и забываешь о смерти!

“После этого, продолжает Аввакум, я ей дал в руки четки и приказал ей творить поклоны Богу. Не будучи в силах кланяться от большой слабости, она упала. Я приказал тогда церковному сторожу бить кнутом. Я плакал перед Господом и мучил ее”.

Этот неисправимый катехизатор был в сущности добрым человеком, способным выказать бесконечную кротость, обнаружить бесконечную чувствительность. Но как только религия, т.е. то, что он считал религией, выступало на сцену, он становился свирепым. Во всех тех поступках, где ему кажется затронута одна лишь мораль, он склоняется еще к снисходительности, особенно если имеет дело с женщинами, и его отношения к ним могли вызвать подозрения. Совершенно невинные, они между тем носили какой-то сентиментальный характер, где без всякого сомнения принимал участие и половой инстинкт. Так, накладывая покаяние на монахиню Елену, Аввакум обращается к ней со словами, где сострадание носит оттенок почти недвусмысленной нежности. Если же дело шло о том, что казалось ему с его точки зрения ересью, то здесь он становился неумолимым и полным ненависти. Истощив весь запас церковных проклятий, он обрушивался на виновных целым народным лексиконом самой грубой брани. Так, при разговоре с никонианцами, у апостола всегда на языке такие слова, как “воры, разбойники, собаки”, не говоря уже о других нецензурных эпитетах; он не лучше обходится даже со своими собственными товарищами, если находится с ними в малейшем противоречии. “Раскайся, трехголовый змей, исповедуй твою ошибку, вонючая собака, сын б....!” Вот его обычный стиль.

Уступки, которые сделаны были Никону, приводят его в ярость. “Хороший царь быстро бы и повыше его повесил”, пишет он. Тот хороший царь, к которому он апеллирует, был, следует думать, “Грозный”. Между тем Аввакум совершенно не походил на него.

Его ненависть не имела ничего общего с инстинктом жестокости. Она не была у него ни слепой, ни абсолютной. Среди тех, на которых она обрушивается, она отличает еретика, достойного самой ужасной казни, и человека, достойного сострадания и любви. Так, не впадая на этот раз в противоречие, в котором его обвинили некоторые из его биографов, Аввакум не перестает жалеть и любить всех и все. И он молится и хочет, чтобы его приверженцы молились за всех заблудших, и он не отчаивается в их обращении.

Но можно тут легко и ошибиться. В Сибири, послав на рекогносцировку маленький отряд казаков, Пашков решил посоветоваться с местным колдуном, шаманом, будет ли им удача. Само собою разумеется

этот человек обещает полный успех. Тогда Аввакум падает на колени в свином стойле, служившем ему помещением. Он просит у Бога, чтобы отряд был истреблен. Пусть ни один из них не вернется! И он не сомневается, что молитва его будет услышана. Совершенно искренно он верит в постоянное общение с божественным Владыкою и в то, что тот слышит его. Все время исповедуя полное смирение, веря в постоянно являвшиеся ему видения, которые не покидают его своею милостью, он говорит без всякого стыда о чудесах, которые он совершил. По примеру Спасителя он исцеляет больных, изгоняет демонов, получает чудесные уловы.

Когда его опровергают, это не оказывает на него никакого действия. Накануне своей второй отправки в Сибирь он хвастается, будто бы получил от неба обещание, что его не побеспокоят. И действительно, дяк Башмаков потихоньку сказал ему от имени государя: “не бойся ничего, доверяй мне”. Противоположные события не сбивают Аввакума с толку. В одном из своих писем он говорит, будто бы предсказал Пашкову, что он однажды попросит у него позволения надеть рясу, “что и случилось”. В 1682 г. автор предсказания был уже мертв, а Пашков продолжал быть воеводой в Нерчинске, но пророк умер, не потеряв веры в свою сверхъестественную силу. “Святой Дух так говорил чрез меня, простого грешника”. “Святой Дух и я, мы судим”, повторял он до своего последнего вздыхания.

Пророк и чудотворец, – в этой двойной роли он лишь делал промах за промахом, благодаря узости своего ума и недостаточности образования. Он был начитан в узком кругу известной церковной литературы.

Обширная память, хотя и не очень твердая, давала ему возможность забрасывать противника текстами настолько, что ему удавалось сбить с толку менее начитанных противников. Он был страшен в качестве полемиста, замечательно одаренный природою, вдохновением, оригинальностью, умением картинно выражаться, ловко подбирать сравнения, обороты речи, яркие пословицы, языком страстным, колоритным, вибрирующим, всегда простым часто блесевшим юмором, в одно и то же время нежным и приятным или сжатым и энергичным, всегда легко понятным, без всякой искусственности, без следа риторики, без всякой заботы о диалектике, без всякой задней мысли, – умением говорить народным языком, да притом с настоящею силою виртуоза слова.

В качестве догматического писателя он шел уже по пробитой дороге, причем ему приходилось воспроизводить лишь обычные обороты славянской литературы, – но повсюду, где он только затрагивал реальную жизнь, рассказывая о своей участи, беседуя со своими друзьями, он

непосредственно черпал слова в источниках национальной речи. Он может поразить современного читателя грубостью некоторых выражений. Он часто тривиален, охотно обращается в циника и всегда называет вещи их именами. Но он одарен жизненной энергией и редкой силой возбудимости.

Монахиня Елена согрешила, внеся смуту в одну семью. Аввакум склоняет сестер избегать ее, как зачумленную. Она должна их сама избегать, как оскверненная. Но ничто не должно измениться между нею и им, так как и он также заражен. Был ли он тронут ее чарами? Или, может быть, она внушила ему, если не слабость, то по крайней мере тот трепет пробужденного желания, которого он так страшился и который умел смирять в себе так сурово? Неизвестно. Может быть в силу утонченной чувствительности и смирения он не опровергал те дурные толки, которые вызвали их невинное общение. Он ей писал: “мне нечего бояться чумных язв, покрывающих твое тело, так как я покрыт ими сам. Пошли мне малины: я могу ее есть, так как если на тебя был донос, то донос был и на меня, в наших отношениях нет ничего постыдного, мы стоим друг друга!”

Вне области богословия, в истории, в географии, в естественных науках его невежество было грубо, и даже в избранной им области он делал множество ошибок, как в терминологии, которую он употребляет, так и в существенных пунктах той догмы, которую он защищал. Таким образом в своей полемике с дьяконом Феодором, увлеченный своею страстью в область самых нелепых глосс и тезисов, он не встречает сочувствия даже своих собственных соратников. И он не заботится об этом. После мук, которым подверглось его тело, настало время страданий его души и он этому не противится. В его короне мученичества недоставало одной жемчужины: он ее принимает с радостью и ничего не боится. Держась Христа, он не боится ни царя, ни какого-либо князя, ни богатых, ни знатных, ни даже самого Сатаны. Он всегда абсолютно верует. Его автобиография, смесь высоких религиозных вдохновений и самых вульгарных суеверий, деликатнейших чувств и самых постыдных тривиальностей, широкого понимания известных христианских истин и большого количества пустяков, — свидетельствует об этом с начала до конца.

В качестве свода доктрины его писание не выдерживают никакой критики. Он считается главным участником в выработке принципов беспоповщины и в общем его учение целиком направлено против официальной иерархии, против всякой иерархии, которую раскол не был в состоянии найти в своей среде. Аввакум не допускает даже молитвы иконе Христа в никонианской церкви. Если насильно тебя вводят в такое место, должно ему молиться, но стараясь не следить за службой. Принимая

посещение никонианского священника, хозяин дома должен приказать детям спрятаться за печку; он должен избежать благословения приверженца сатаны, объявляя себя нечистым, и пытаться отделаться от него, предлагая ему водки и денег. Его жена должна сделать то же самое, сказав непрошеному гостю: “отец, что ты за человек? Разве ты не можешь понять, по твоей попадье, что мне недосуг тебя теперь принять?” Оба они, наконец, после ухода посетителя должны хорошо вымести свое жилище.

Кажется ясно. А между тем в некоторых из своих писем апостол выражает мысль, что нельзя обходиться без священников, и что поп, исповедующий ненависть к никонианцам и любовь к старому, заслуживает презрения, хотя бы и был рукоположен официальной церковью. Кроме того совершенно вопреки мнению одного из своих товарищей по изгнанию в Пустозерске, Феодора, которого мы уже знаем, он доходит до того, что признает брак, совершенный никонианским священником.

Правду говоря, в его литературном наследстве подобного рода тексты оспаривались, объявлялись апокрифическими. Но это заключение кажется голословным, да и сам Аввакум не обнаружил большей последовательности по многим пунктам. Предавая виселице Никона и его адептов, он сам обвинял их в нетерпимости! “Как? Чтоб дать восторжествовать вашей вере, вы прибегаете к костру и огню, к веревке и к кнуту! Какой апостол вам преподавал подобное наставление? Где вы видели, чтобы Христос советовал обращать людей таким способом?”

Вся история раскола должна была пострадать от этих колебаний беспорядочной мысли. Людям этого времени было не трудно к ней приспособиться, а большой процент женского элемента, участвовавшего в развитии раскола, вносил страстность вместо рассудительности.

Аввакум часто говорит о Троице совершенно не божественного происхождения. Этим именем он называет трех женщин, игравших важную роль внутри зарождавшейся коммуны. Он называет эту троицу также “святою, блаженною и мученическою” или символизирует их в трех драгоценных камнях: в яхонте, в изумруде и в яшме. Это были Федосья Морозова, урожденная Соковнина, ее сестра княжна Евдокия Урусова и жена одного стрелецкого полковника Мария Данилова. Все они подпали под влияние некоей Маланьи, монахини того Вознесенского монастыря, где Аввакум пользовался одно время влиянием, это была таинственная личность, о которой до нас не дошли точные сведения.

Выйдя замуж в семнадцать лет и овдовев в тридцать, боярыня Морозова познакомилась с Аввакумом двумя годами позже по его возвращении из Сибири, и уже вся преданная строгому соблюдению

религиозных обрядов, при громадной религиозной экзальтации, она была одной из самых горячих сторонниц “апостола”. Морозовы были очень близки к трону. Зять царя, брат мужа Федосьи Прокопьевны, Борис Иванович покрывал свою семью блеском этого союза и престижем совершенно исключительного положения. Высокопоставленные при дворе, обладая значительным состоянием, ее родители пользовались самою завидною участью, но Федосья Прокопьевна никогда ею не пользовалась.

Удаленная от общественной жизни, московская женщина не имела, вне религии и нравственности, другой сферы, где бы она могла эволюционировать, проявить какую-либо деятельность. Домострой заключал ее в круг, откуда должно было ее вывести лишь новаторское течение семнадцатого века, проломив стену древней традиции. Но было неизбежно, что и она смутилась на пороге нового мира, который призывал ее и что эмансипация сначала смутила, а затем вооружила против нее печальные затворы мрачных покоев.

Федосья Прокопьевна была убежденной сектанткой и горячей сторонницей аскетической жизни. После молитв и благочестивых чтений с самого раннего утра, она посвящала долгое время пунктуальному исполнению своих обязанностей хозяйки дома. Внимательно относясь как к нуждам, так и к проступкам своей многочисленной челяди или своих крестьян, она прибегала по отношению к ним к правам патриархальной юрисдикции, “наказывая одних палками”, по свидетельству Аввакума, “побуждая других добротой и любовью к исполнению воли Божией”. Остаток своего времени она посвящала благотворительности. Она пряла, ткала полотно и шила рубахи, раздавая их нищим на улицах Москвы. Тайком, сопровождаемая верною служанкою, она посещала по ночам тюрьмы и госпитали и распределяла помощь и натурою и деньгами.

Большая часть ее имущества оказалась поглощенной такою благотворительностью. Она разделила остаток его между огромною толпою своих гостей обоего пола, собравшихся в ее дворце, больных, увечных и идиотов, среди которых находилось два юродивых, Феодор и Киприан, призванные сыграть известную роль в истории Раскола, Федосья Прокопьевна ела вместе с ними из одной чаши. Она уделяла свои заботы всем, сама обмывала раны некоторых из них и кормила их из своих рук.

Она носила на себе власяницу, проводила часть ночи в молитве и даже отказалась прибавлять мед в свой квас. Аввакум в свое пребывание в Москве, а позже, переписываясь с нею из Пустозерска, в этом смысле направлял эти самостоятельные наклонности молодой женщины. “У нас тут иногда не бывает воды, а мы между тем живем, — писал он ей, — почему

же вы лучше нас, хотя и боярыня? Бог разостлал одно небо над нашими головами". Это, однако, не мешало ему быть очень чувствительным к щедрой денежной помощи, которую боярыня оказывала его семье. Не переставая прославлять по этому поводу щедрость благотворительницы, он все-таки не воздерживался от грубостей, напоминая ей при случае, "что у бабы волос долог, да ум короток". Он был по своему ловкий куртизан.

При таком образе жизни Федосья Прокопьевна мало-помалу была вынуждена порвать все другие связи дружбы или даже родства. Княгиня Урусова избегла такой немилости, лишь после того, как последовала примеру своей сестры; но та не могла простить своему двоюродному брату, Михаилу Ртищеву, его снисходительный отзыв о Никоне. Желая совратить ее с намеченного ею пути, он попробовал указать на интересы ее единственного сына, карьере которого она рисковала скомпрометировать.

– Я люблю больше Христа, чем моего сына, – ответила она.

Когда этот сын вырос, его мать, в 1671 г. тайно постриглась в монахини под именем Феодоры и оставила управление своим домом. Эта тайна не могла долго сохраняться. Через год, когда Алексей праздновал свой брак с Наталией Нарышкиной, боярыня Морозова отказалась принять участие в празднествах, и внимание государя было направлено на маленькую группу женщин, где до сих пор свободно производилось исповедание и распространение Раскола. Долго задерживаемая гроза наконец разразилась. Князь Петр Урусов, не зная о том, что и его жена принимает участие в опальной общине, сообщил ей, что Федосья Прокопьевна будет арестована. Княгиня попросила позволения пойти проститься со своею сестрою и уже более ее не покидала. Их обеих арестовали ночью, увезли в подземную тюрьму, потом разделили. Переходя из одной тюрьмы в другую, проходя мимо царского дворца и думая, что Алексей смотрит на нее, Федосья Прокопьевна подняла с усилием свою руку, отягченную цепями, и осенила себя двуперстным крестом.

Обе сестры жили около года, заключенные в двух монастырях, где строго охранялись, и несмотря на это находили средство видаться друг с другом. Более или менее преданные расколу, сторожа и монахини ухитрялись не выполнять приказов своих начальников. Некоторые священники из их лагеря даже посещали арестованных, и по легенде даже сам Алексей часто ездил в тот монастырь, где была заключена княгиня Урусова. Подолгу простаивая под окнами ее кельи, он сожалел ее, говоря, что не знает, действительно ли она страдает за правду.

Из всех своих богатств боярыня Морозова не сохранила ровно ничего. Все было конфисковано. Сын ее умер с горя. Она же не слабела. Назначенный еще недавно патриархом, новгородский митрополит Питирим, вмешался в ее пользу и льстил себя надеждой, что приведет ее на добрый путь.

– Вы не знаете, что это за женщина, – сказал ему Алексей. Впрочем попытайтесь!

Патриарх истощил все свое красноречие с Федосьей, мягко предлагая ей исповедаться и причаститься.

– Мне некому исповедаться, ни причаститься.

– Есть достаточно священников в Москве!

– Ни одного хорошего!

– Я вас сам исповедаю...

– Вы ничем не отличаетесь от других; у вас тиара римского папы.

Одев свои священные одежды, Питирим велел принести святое миро. Оно служило для исцеления людей, одержимых безумием. Боярыню Морозову пришлось внести в комнату патриарха. Она говорила, что не в состоянии держаться на ногах. Но она притворялась, потому что не хотела оставаться стоя перед никонианцами. В 1667 г. во время собора, судившего его, Аввакум тоже сделал вид, что хочет лечь. Вдруг крутицкий митрополит в качестве ассистента патриарха подошел к ней с жезлом, омоченным в священное масло, и хотел с нее снять головной убор. Федосья Прокопьевна вскричала:

– Не трогайте меня! Не заставляйте погибнуть бедную грешницу!

Она так сильно отбивалась, что, согласившись с царем и уступая своему гневу, Питирим велел выгнать вон “бешеную”. По словам Аввакума, стрельцы, караулившие несчастную, выполняя приказание, вытащили ее во двор, схватив ее за цепь, висевшую у ней на шее, “да так, что она пересчитала головою все ступени лестницы”.

В свою очередь княгиня Урусова подверглась той же пытке, но, сорвав покрывало, покрывавшее ее голову, что считалось в то время бесстыдством, она вскричала:

– Что вы делаете, бесстыдные люди! Разве не видите, что я женщина?

На следующую ночь обе сестры, как и Мария Данилова, были подвергнуты допросу в присутствии князей Ивана Воротынского и Якова Одоевского и дьяка Думы Иллариона Иванова. Раздетые до пояса, они подверглись вздергиванию на дыбу и испытанию огнем, но не проявили ни малейшей слабости. С вывихнутыми руками, со спинами, покрытыми

ужасными ранами, они оставались три часа на снегу, не обратившись, по свидетельству Аввакума, ни с одной жалобой к своим мучителям.

Алексей был смущен, патриарх высказался за применение закона, и монахиня Маланья объявила своим сотоваркам, что они будут непременно сожжены. Но было не так легко применить к Морозовой такое наказание! Бояре взволновались, и Печерский монастырь, где была заключена Федосья Прокопьевна, стал предметом тревожных манифестаций. Перед его воротами ежедневно происходили бурные собрания. Сестра царя, особенно нежно любимая им Ирина, упрекала Алексея в жестокости, припоминала ему заслуги Бориса Морозова, в котором он видел второго отца. Судя по легенде, Алексей еще раз пытался перейти к увещаниям. Один стрелецкий капитан получил приказ предложить Федосье только поднять руку с тремя сложенными пальцами, обещая ей, что в таком случае царь пришлет ей свою собственную карету с великолепными лошадьми и свитой из бояр для возвращения домой.

— У меня были великолепные экипажи, — возразила она, и я о них не сожалею. Велите меня сжечь: это единственная честь, которой я не испытала и которую сумею оценить.

Этот эпизод кажется сомнительным, по крайней мере в подробностях. Государь, без всякого сомнения, послал бы для выполнения поручения более достойного посредника. Но Федосья не была сожжена. Ее отправили в Боровск вместе с обеими подругами. Три эти женщины там жили изолированно в тюрьмах, вырытых в земле, в землянках и, так как они упорно держались своего, то им давали с каждым днем все меньше пищи. Страдания их возбудили общую симпатию, а в недрах Раскола Аввакум деятельно восхвалял их достоинства. Сравнивая их теперь с “стоглавыми херувимами”, с “шестикрылыми серафимами” и еще с Афанасием Александрийским и св. Григорием, он почти дошел до их обоготворения. Особенно Федосья возбуждала в нем удивление и страстное поклонение. Уделяя ей особое место в “единстве божественной троицы”, назвав ее благословенной среди всех женщин, он сравнивал ее с Христом и примешивал к этим крайним гиперболам более простые звуки, исходившие из глубины его сердца.

“Милый друг, живы ли вы еще или вас сожгли, или задушили? Я ничего не знаю, я ничего не слышу! Жива ли она? Или она мертва?”

Он иногда начинал упрекать ее, когда она, как ему казалось, спускалась с высот, куда он хотел ее возвести. Разве она не должна была быть самой совершенною между всеми? Но в то же время он писал ее товаркам: она ангел, а вы только бабы.

Евдокия Урусова умерла в октябре 1675 г., а ее сестра месяцем позже. Один современник описал в трогательной форме последние минуты “святой”, упоминая о величайшей просьбе, с которой она обратилась к своим стражам, прося их снять тайно и вымыть единственную рубашку, которая была на ней, так как она желала в чистом виде явиться перед лицом Господа.

Такие примеры со всеми теми трогательными и страстными чертами, которые были им приданы легендой, дали Расколу импульс, которого не могли уже остановить никакие меры строгости. Казалось, что первые века христианства ожили в истории новых исповедников истинной веры. Бунт нескольких фанатиков обряда принял характер большого народного движения, предназначенного действительно распространиться с неудержимою силою.

Аввакум и его товарищи не оставались бездеятельными в их отдаленном пустозерском изгнании, не переставали привлекать к себе внимание своих единоверцев. Содержимые в мрачных тюрьмах, получая в день лишь по полутора фунта плохого хлеба с небольшим количеством квасу, они не теряли энергии. Аввакум и Лазарь писали царю послания, остававшиеся без ответа, но получившие огромную известность. В то же время в Москве распространился слух, будто бы у Лазаря и Епифания вновь чудесно отросли языки, отрубленные палачом, так что эти иноки могли говорить. Мы обязаны самому Аввакуму естественным объяснением этого чуда: может быть, преданный делу своих жертв, палач произвел лишь по виду экзекуцию. Но, если верить апостолу, то процесс отрубания был снова выполнен в Пустозерске и с тем же результатом; через три дня языки приняли их первоначальную форму. У Лазаря также была отрублена правая рука и, когда она упала на землю, то ее пальцы сложились в двуперстный крест.

Черты из биографии Иоанна Дамаскина и Максима Исповедника не были, очевидно, чужды подобным выдумкам.

На деле когда усилилась агитация, распространяемая изгнанниками, в Пустозерск был послан в 1670 г. стрелецкий капитан, присутствовавший там при новых казнях, которые не оказали никакого влияния. Лазарь, Епифаний и Феодор после того, как им действительно уже вырвали языки, оставались по-прежнему непоколебимыми в убеждениях, которые они исповедывали.

Аввакум был пощажен палачами, но разделил усиленные строгости общего заключения, увеличивая их еще добровольным умерщвлением плоти. Отказавшись от одежды, даже зимою, воздерживаясь от всякой

пищи в продолжение целых недель, он так ослабел, что не мог уже громко молиться. Тогда он впал в экстаз, почувствовал, что он необыкновенно увеличился в размере, вообразил, что сам Бог “вложил в него землю, небо и все творение”, и написал Алексею: “живя на свободе, ты владеешь лишь одной Россией, а мне пленному Христос дал небо и всю землю”.

Благодаря сообщникам, находившимся вокруг них, пленники могли переписываться и сообщаться почти свободно с внешним миром. Аввакум поддерживал переписку с Москвою, Мезенью, где жила его семья, и Боровском, где умирала бедная Морозова. На клочках бумаги, заботливо собираемых приверженцами раскола, он излагал продукты своих размышлений. Среди его сочинений автобиография, в двух собственноручных изданиях, известное количество комментариев на псалмы, различные труды по богословию и полемике и несколько десятков писем относятся к этой эпохе. Его товарищи подражали ему, обсуждая с ним различные проблемы доктрины или дисциплины и публикуя многочисленные послания, в которых они излагали свое мнение.

Таким образом Пустозерск становился центром религиозной пропаганды, горячим очагом, распространявшим далеко свои лучи.

Первые проповедники раскола, относительно самые образованные, следует заметить, и самые одаренные: Феоктист, Неронов, Никита Пустосвят оставили сцену, мертвые или вынужденные молчать от ужаса. Некоторые из них должны были позже снова получить голос, но, пока что “отцы Пустозерска”, как их называли, одни пользовались авторитетом. Их слова собирали, как слова какого-нибудь оракула, к ним обращались во всех затруднительных положениях.

Один из самых щекотливых и наиболее тяготевших над расколом вопросов был вопрос о священстве. Мы видели уже неуверенность, с которой Аввакум блуждал в этом вопросе; Пустозерские оракулы стремились установить различие среди членов клира, смотря по тому, получили ли они свою санкцию до или после Никона. Только к первым можно было прибегать в религиозных нуждах, хотя тоже с осторожностью и в случае абсолютной необходимости. Аввакум и его товарищи в то время совершенно не заботились о тех последствиях, которые вытекали из такого принципа. По примеру первых христиан они не думали о будущем, так как они не признавали его. Они верили в скорый конец мира. Мы еще возвратимся к этому пункту.

Их мнение в этом вопросе дошло до нас в трех редакциях, дающих разницу только в деталях. Оно должно было послужить базой для доктрины беспоповцев, проповедующих конец всякой иерархии,

необходимость второго крещения и замену “духовным причастием” таинства евхаристии. Лично Аввакум однако не принял эти идеи, и вынужден был позже опровергать их очень энергично, но его голос, обыкновенно властный, совсем не был решительным в данном случае. Его товарищи по заключению занялись составлением раскольниковьего credo, и разногласие между ними касалось самых существенных пунктов христианской догматики, но чаще предметов значительно меньшей важности.

Именно по поводу Троицы, не той, где фигурировали яхонт, изумруд и яшма, но другой, Аввакум дошел до того, что назвал Феодора “щенком”, и проклинал его. Другой раз он упрекал его за то, что тот поддерживал недопустимое предположение, будто бы Христос вошел к Богородице в ухо и вышел из бока, когда текст Иезекииля (XLIV, 2) устанавливает, напротив, вне всякого сомнения, что Он шел обыкновенным путем, “пробивая себе проход”. На деле Феодор не говорил ничего подобного. Очень корректно он удовлетворялся принятием материального воплощения тогда, как Аввакум учил простое вхождение божественной благодати, причем Сын остается безусловно нераздельным от Отца, — тезис противоположный общему учению всех христианских церквей и между тем принятый большею частью раскольников.

В деле полемики апостол меньше всего заботился о лояльности, а большинство его учеников совсем не были к ней приучены. Значительно умнее и образованнее своего противника, Феодор тем не менее дважды был осужден своими единоверцами и исключен из числа “отцов”. Желая оправдаться, он написал маленькую книгу, но Аввакуму удалось ее захватить, он вырвал из нее и опубликовал несколько отрывков, компрометировавших в таком отрывочном виде автора. Остальное он уничтожил и наложил на несчастного дьякона жестокую епитимию, при которой он сам присутствовал.

Для торжества своих идей, воодушевленный абсолютной своей убежденностью, Аввакум не разбирался в средствах и еще менее в аргументах. Он черпал их широко в апокрифической литературе, как и в своем собственном воображении, обнаруживая при этом свою очень оригинальную, но временами довольно грубую фантазию. Этому способствовало прогрессивное изменение его умственных способностей. Менее устойчивый, чем его физическая структура, его дух не мог противостоять известному нам режиму. Обратясь в 1669 г. к Алексею с жалобой, которую он называл последнею, хотя за ней последовало несколько других, путаясь в дебрях лиризма, не лишенного своеобразного красноречия, Аввакум, впрочем, соблюдал еще некоторую меру и пускал в ход некоторую дипломатию.

“Теперь, – писал он, – из моей тюрьмы, как из могилы, в слезах я обращаю к тебе это последнее воззвание... Сжался не надо мною, но над твоею душою! Скоро, не оказав нам справедливого суда с такими отступниками, ты предстанешь вместе с нами перед лицом Верховного Судьи. Там твое сердце в свою очередь будет сковано страхом, но мы не будем в состоянии помочь тебе. Ты отказал нам в гробницах у святых церквей, хвала тебе за это! Разве лучше был удел святых мучеников? Чем больше ты нас осуждаешь, мучаешь и заставляешь томиться, тем больше мы тебя любим, о, государь! решив молиться за тебя до смерти... Но на небе мы не сможем тебе больше помочь, так как ты отказался от спасения. Оставив твое призрачное царство, желая достигнуть вечного пристанища, ты унесешь с собою только гроб и саван. Что касается меня, то я обойдусь без того и другого. Мое тело будет растерзано собаками и хищными птицами. Что же из этого! Мне будет хорошо спать на голой земле, пользуясь светом в виде одежды и небом вместо крыши. И, несмотря на то, о, господин, что ты хотел этого, я тебя благословляю еще раз моим последним благословением”.

В 1681 г. наследовал своему отцу царевич Феодор. Аввакум решил, что может теперь изменить свой тон, и на этот раз обнаруживается уже очень явно смятение его ума. Обращаясь от отца к сыну, он говорил, будто бы ему было свыше сообщено, что умерший государь искупил ужасными мучениями преступления, в которые вовлекли его никонианцы и в наивных выражениях он требует своего освобождения, чтобы, наподобие Ильи, истребить все исчадие сатаны.

В ответ на это последовал приказ, осуждавший к сожжению на костре автора этого послания с тремя из его товарищей: Лазарем, Епифанием и Никифором. Дата казни (10 апреля 1681 г.) сомнительна и детали ее, дошедшие до нас только в литературе Раскола, становятся благодаря этому, подозрительны. Аввакум будто бы предвидел свой конец, распорядился кое-каким оставшимся у него имуществом и распределил свои книги. Уже на костре он обратился с речью к своим слушателям, подняв два пальца и говоря: “молитесь и креститесь так, и божественная милость будет с вами; в противном случае песок покроет те места, где вы живете, и наступит конец мира”. Когда пламя окружило его с его товарищами и один из них стал кричать, он будто бы наклонился к нему и стал его утешать.

Верно лишь то, что событие это произвело огромное впечатление и далеко не остановило движения, душою которого были эти жертвы; оно; наоборот, еще расширилось. Это аутодафе составляло только часть целого.

ряда репрессивных мер, которые были приняты на Соборе 1681 г.: как то создание новых епархий для укрепления влияния официального клира; организация специальной полиции; запрещение подданным царя давать у себя убежище диссидентам; уничтожение пустынь и церквей, принадлежавших расколу и суровое применение духовных и гражданских законов по отношению к схизме. Поражая, с одной стороны, ее вождей, думали, с другой стороны, сделать невозможной жизнь для их учеников. Всюду выслеживая их через массу агентов, гоня их из одной деревни в другую, раскрывая их убежища даже в лесах, думали, что они исчезнут совершенно.

Но они размножались. Строгости прежде всего начались слишком поздно. Как это и констатировал Собор 1681 г., раскольники до сих пор пользовались полною терпимостью и даже в Москве могли свободно заниматься деятельною пропагандою, при чем публичная продажа их сочинений всюду распространяла учение Раскола. Кроме того действие репрессивных мер, вновь принятых, парализовалось непослушностью пущенных в ход орудий. На деле, в большинстве случаев, этот поход приводил лишь к широкой эксплуатации преследуемых преследователями. В одной деревне оставляли в покое диссидентов, потому что они уплатили карточный долг старосты. В другом месте шуба, поднесенная жене воеводы, служила выкупом для многих запрещенных общин. В первый момент раскольники переходили массами границу, находя себе убежище в Швеции, в Крыму, на Кавказе, особенно в Сибири или даже в Турции, в Молдавии, в Пруссии и в Австрии. Но исчезнувшие немедленно заменялись новыми прозелитами и в конце концов, благодаря преследованиям, раскол развивался не по дням, а по часам, по выражению одного историка.

Политическое, социальное и моральное положение страны, самое ее географическое положение помогали этому, расстраивая самое энергичное противодействие. Еще раз, после смерти Феодора, Москва впала в кризис, ставивший на карту самое существование империи. В мае 1682 года разыгрывается знаменитый Стрелецкий бунт, в котором Раскол играет значительную роль. Диссиденты собираются громадными массами на улицах столицы, всячески помогая восставшим.

Осужденный многократно и помилованный, наружно примирившийся с официальной церковью, но выжидая лишь момента порвать с нею, бывший суздальский поп, Никита Пустосвят, фигурирует во главе их. Одно время он и его приверженцы были хозяевами города. Расставив аналои со своими книгами на Красной площади, с зажженными

свечами, они проповедуют свою веру, потом процессией входят в Кремль и завязывают там бурные споры. В присутствии патриарха и правящей царевны Никита бьет по лицу холмогорского архиепископа Афанасия.

Приведенные в повиновение путем убеждений и щедрости Софии, стрельцы оставили своих союзников, и 21 Июля 1682 г. Никите Пустосвяту отрубили голову. Но раскол уже царил повсюду.

С 1667 г. ученики Капитона проповедовали его по-своему в Костромской области; старый типограф Иван распространял его учение во Владимирской области; Ефрем Потемкин и иеромонах Авраам вербовали себе прозелитов в окрестностях Нижнего Новгорода, Ветлуги и Балахны. В Смоленске протопоп Серапион, дальше на север – отцы из монастыря св. Кирилла, дальше к югу, на Дону, монахи Досифей и Корнилий организовали другие центры пропаганды. Повсюду появлялись святые, пустынники, странствующие проповедники, постники, ясновидцы, предсказывавшие единодушно пришествие царства Антихриста и конец мира.

На обширном северном берегу, в частности, в области Олонца и Каргополя, среди огромных лесов и пустынных земель, недоступных озер и болот, Раскол нашел себе неприступную крепость. То же и по тем же причинам в окрестностях Вологды, Владимира, Ярославля. В Вологде пропаганда нашла себе в ежегодной ярмарке благоприятное поле деятельности. Казаки открыли расколу свободный доступ в Саратовские степи, вдоль маленькой речки Кумишанки, соединяющей Дон с Волгою, – готовые быстро откликнуться на всякое революционное слово. Раскол вошел этим путем на востоке в сношение с областью Воронежа, где Москва еще не успела встать твердою ногою, а на западе с польскою Украиною, где власти республики тайно сочувствовали ему.

По берегам Днепра местное население держалось в стороне от движения, подчиняясь восточным патриархам, напротив того, великорусские эмигранты, очень многочисленные в этих местах, пристали к нему с воодушевлением, и на Дону, в традиционном убежище всех бунтовщиков, диссиденты нашли себе вторую родину.

У нас почти отсутствуют сведения о первых проповедниках раскола в бассейне этой великой реки, – о Корнилие и Досифее. В этой местности раскол вступает в историю лишь с Иовом Тимофеевым, сыном одного литовского дворянина, старинным слугою Филарета, во время плена будущего патриарха в Польше, и основателем в 1672 г. монастыря на берегу Чира, в 50 верстах от его соединения с Доном.

Уже очень старый, – он умер в 1680 г. почти ста лет от роду, – Иов,

по-видимому, не занимался прозелитизмом в этом убежище и искал лишь в нем уединения и личного покоя. Но в 1685 г., прибыв на Чир, другой Досифей, уже игумен монастыря, сожженного нижнегородским митрополитом Питиримом, привлек к учению большое количество казаков. Появились еще пустыни на соседних течениях Хопра и Медведицы; размножились и новые секты. Известный Феодосий занимался вторым крещением своих приверженцев; основываясь на тексте, приписываемом Эздre, знаменитый поп Самойла проповедовал в Черкассах близкий конец мира и, основываясь на той же базе эсхатологических верований, Кузьма Ларионов, называемый Косым, насчитывал до двух тысяч учеников.

В этой среде политический элемент не замедлил взять верх над религиозным. Вызванная Стрелецким бунтом и поддерживаемая беспрестанными волнениями, следовавшими за этим во все время регентства Софии, – сильная агитация закончилась в 1688 г. всеобщим восстанием. Но от этого не выиграло религиозное единство раскола.

Раскол существовал повсюду, но в виде маленьких общин, изолированных, часто рассеянных, связанных лишь смутною, полною шатаний и противоречий догмою, лишенный с исчезновением “отцов Пустозерска” центрального очага своего. Материальная разбросанность по огромной территории и моральная шаткость исповедующих его неорганизованных, постоянно меняющих свою физиономию, создавали для русского раскола еще больше, чем для протестантства на Западе, условия, при которых ему пришлось неизбежно подчиниться действию этих разлагающих сил.

Вскоре должна была произойти первая распря между центром империи и южною Україною, с одной стороны, и северным берегом и Сибирью с другой, по поводу щекотливого вопроса о церковной иерархии. Со смертью в 1656 г. Павла Коломенского, единственного прелата, оставшегося до конца верным Расколу, у последнего уже не осталось ни одного епископа. Только получившие сан до реформы Никона допускались Аввакумом, но таких оставалось уже немного и проблема становилась чрезвычайно острой. Она разрешалась различно не только в разных общинах, но давала место жестоким спорам в среде каждой из них. Одни из них утверждали возможность спасения вне обращения к правильно установленному церковному авторитету, другие думали, что неотложная нужда может заставить верующих принимать священников, поставленных никонианством, но порвавших потом связи с официальною церковью.

Первая доктрина господствовала на Севере и в Сибири, как в стране,

где недостаток церковной организации уже давно приучил большую часть жителей манкировать церковною службою и таинствами. Насчитывая несколько адептов в центре и на юге, хотя и связанная исторически с проповедью Капитона в Костроме и Вязниках, беспоповщина нашла себе тем не менее наибольшее развитие в менее населенной северо-восточной области. Влияние протестантства сыграло там известную роль, хотя на деле беспоповцы просто заменяли одну иерархию другою, свидетельствуя о своем крайнем уважении к тем духовным лицам, которых они сами себе назначали.

Аввакум однажды отождествил с прелюбодеянием брак, не заключенный официальным священником. Беспоповцы же решили, что за исключением крещения и исповедания, которые по некоторым произвольно толкуемым текстам могут быть производимы светскими людьми, для всех других таинств совсем не нужны священники. Отсюда произошел постулат и об общем безбрачии, породивший впоследствии много беспорядков. Вожди Раскола были искренни. Один из них, Семен Денисов, желая дать этому личный пример, дошел до того, что воздерживался от разговора наедине даже с собственной сестрою Саломеей, игуменьей одного монастыря. Но пример не имел подражателей. Опираясь на авторитет Аввакума, теория и практика свободного соединения имели более многочисленных приверженцев. В секте дьякона Степана, в Степановщине, монахи и монахини жили в одних кельях, т.е. "клали огонь возле леса", по выражению св. Димитрия Ростовского. Образовались новые обряды, где за неимением священников службу отправляли уже женщины.

На юге ценою целого ряда не последовательностей поповщина избежала этих заблуждений, но оказалась в явном противоречии с общей точкою зрения на положении церкви, пришествие Антихриста и конец мира. Впрочем, в обоих центрах раскола никогда не состоялось соглашение, даже в том пункте, который их разделял на отдельные организмы. В принципе один из них крестил второй раз своих приверженцев, а другой объявлял эту церемонию излишнею; местами между тем второе крещение употреблялось и поповцами, а также бывали случаи, когда беспоповцы выбирали себе священников. В 1709 г. уже насчитывалось до двадцати сект, следовавших обеим системам, каждая по своему.

С течением времени поповщина должна была практически придти к созданию автономной иерархии, соперницы официальной. Теоретически она оставалась долго верной эсхатологическим верованиям, исключавшим эту организацию и составлявшим к концу семнадцатого века самую

характерную черту раскола и почти единственный пункт доктрины, на котором объединялись диссидентские группы.

Эти верования связывались, как мы это уже знаем, с тезисом “третьего Рима”. Понятно, что, наследуя Константинополь, православная Москва сделалась в недрах христианства единственным убежищем истинной веры и лишь она одна задерживала появление Антихриста. Следовательно, в деле Никона и его реформы русская церковь не была в состоянии выполнить этой высокой миссии, и Антихрист должен был появиться. И он пришел. Уже в 1596 г. под влиянием впечатления Брестской Унии, Стефан Зизаний в комментарии на пятнадцатую главу Св. Кирилла Иерусалимского отнес это событие к восьмидесятичному году от сотворения мира. В 1648 г. – другая работа, обнародованная в Москве под названием Книги веры, очень популярная, воспроизводила ту же идею. Вспомнили, что, по Апокалипсису, Сатана скован пришествием Христа на тысячу лет и решили, что моральное падение Рима совпало с этим указанием. После этого надо было ждать и других более ясных знаков победоносной мощи проклятого. Посредством фантастических вычислений согласили дату, принятую прежде для пришествия Антихриста, с Собором 1666 г., на котором была окончательно решена реформа. Несколько апокалипсических данных и форма зверя объяснялись именно в этом смысле. Аввакум утверждал, будто бы он видел чудовище и давал ему описание; его вид был ужасен; тело его распространяло отвратительное зловоние, из носа и ушей оно метало ядовитое пламя.

Большая часть раскольников отождествляла его сначала с Никоном и применяла к бывшему патриарху тексты Писания, приписывая ему родителей-язычников, окружая все события его жизни демонами и змеями. Но когда Никон умер, не получив власти над миром, эти выдумки были оставлены. Одни упорно держались того мнения, что он продолжает жить, скрываясь в Пскове, другие предполагали, что он воскреснет. Аввакум кончил тем, что утверждал, что бывший патриарх был лишь предтечею. Но тогда пришлось пересмотреть вычисления, относящиеся к концу мира. Выросшие из верований, общих первым христианам и тысячелетних верований средних веков, они ограничивали царствование Антихриста двумя годами с половиною, после чего все должно было быть уничтожено. К этому уже давно готовились в различных слоях. Когда в 1644 г. протестантский духовник датского принца Вальдемара, Фельгабер, стал упрекать московитов в невежестве, старый священник Вознесенского собора Иван Наседка, ответил ему, что близкий конец мира делает бесполезным всякое создание школ. В 1668 г. – многие крестьяне

отказались засеивать свои поля. Через год они оставили свои дома. Соединившись в группы, они молились, постились, исповедовали друг друга, приобщались св. даров, освященных еще до никоновских новшеств и ожидали звуков трубы архангела.

По старому преданию это событие должно было произойти в полночь, в тот трагический момент, когда луна потухнет, а звезды попадают с неба, как дождь урагана. Когда день кончался, ожидавшие события надевали саваны, ложились в гробы и читали сами по себе заупокойные молитвы, которым, как траурное эхо, вторил жалобный рев скота, бродившего без корма.

Но прошел и 1669 г., а звезды все еще сияли на своем месте. Тогда исправили недавно сделанные вычисления. Явление Анти-христа со всеми последствиями, которые оно влекло за собою, считалось теперь отсроченным жизнью Спасителя, который по новым представлениям одним своим рождением прервал все сатанинское дело. Но Никон был уже мертв, и вся работа воображения по поводу чудовища, которое являлось Аввакуму, перенеслась на другие предметы. Постепенно Алексей, или вообще самодержавие, а позже, минуя кроткого и безобидного Феодора Алексеевича, Петр Великий заняли место бывшего патриарха.

Между тем, так же, как некоторые израильские коммуны делают это по отношению Мессии, самые образованные раскольники кончили тем, что одухотворили это представление. Царствование Антихриста уже не имело в их глазах значения материального владычества. Они стали его считать положением вещей, абсолютно не соответствующим Царству Божью и добрых христиан на земле. И добрые христиане не должны были уже ждать такой катастрофы. Она уже осуществилась и им оставалось одно средство для спасения: смерть.

Почва уже была давно подготовлена для развития подобной идеи. Практика коллективного самоубийства, как кажется, родилась в Волосатовщине, одной из сект, создавшейся благодаря проповеди Капитона. Простой крестьянин без всякого образования, родом из маленького местечка Сокольска, в теперешней Владимирской губернии, основатель этой общины Василий Волосатый лишь закрепил обычные формы аскетизма, столь почитаемого в пустынях. Он воздерживался даже от стрижки и расчесывания своих волос, отсюда и его прозвище – Волосатый. Но, доведя до последней крайности доктрину своего учителя, с своею неотразимою логикою он заменил умертвление плоти полным ее разрушением.

Способ самоуничтожения, принятый почти всеми учениками этого “законодателя самоубийства”, как его называют писатели раскола, состоял

в посте до самой смерти, и первые случаи подобного рода, известные нам, относятся к 1660 г. Мы не знаем подробностей коллективных жертвоприношений, организованных на этом основании Волосатым в Вязниках, но зато знаем, что позже, в Ветлуге или в Выгозере, один старик основал для этой цели специальное учреждение, правильно функционировавшее. Добровольных постников вводили через крышу в здание без дверей и окон. Их насчитывали сотнями. Мрачный жертвоприносите́ль закрывал отверстие после того, как туда входила последняя жертва, и для большей верности ставил вдоль стены пять или шесть сторожей, снабженных дубинами. После двух дней, проведенных в молитве, пленники обыкновенно просили есть. Тщетно. Ни просьбы, ни мольбы, ни крики, ни сама агония жертв не трогали молчаливого старика. Большая часть запертых умирала между третьим и шестым днем, но некоторые держались гораздо дольше.

Однажды две родные сестры попали в эту башню Уголино, о которой нельзя вспомнить без содрогания; третья отправилась их спасти, она возмутила население соседних деревень, и жертвоприносите́ль должен был подвергнуться той самой казни, на которую он обрекал столько заблуждавшихся. Но ему все-таки удалось избежать гнева крестьян и найти даже подражателей, среди которых фигурировала одна женщина.

Впоследствии, развиваясь, это безумство приняло различные формы: кончали с собой в воде, резали себе горло ножом, погребали себя живо и наконец сжигали себя. Последний способ взял потом верх, и этому особенно способствовали казни, совершенные в Пустозерске тем же путем. Костры, зажженные там для осужденных, обратились здесь в добровольные аутодафе. Однако, несмотря на крайне деятельную пропаганду и очень искусную организацию, эта эпидемия самоубийства не распространялась повсюду. Свирепствуя со страшною интенсивностью на севере и на северо-востоке, по верхней Волге до Нижнего, а также в окрестностях Новгорода, в области Онеги, на всем северном побережье и в Сибири, она почти пощадила центральные области, где царила поповщина.

Главный очаг этой эпидемии был сосредоточен в месте ее происхождения, в теперешних губерниях: Владимирской, Костромской и Ярославской, именно в Вязьниках, в Пошехонье и в Романове. Служа колыбелью московского государства, центром его самой деятельной промышленной и торговой жизни, эта область являлась вообще местом зарождения большинства политических, социальных и моральных ферментов. Но, исходя оттуда, это движение распространилось главным образом по окраинам.

Первая идея о самоубийстве посредством огня явилась у Волосатого; его ученики всегда любили ссылаться на авторитет Аввакума, одобрявшего действительно в некоторых из своих писаний этот обряд. Так в первом (или в третьем, по мнению некоторых критиков) из своих посланий к Симеону, он высказывался по поводу одного аутодафе, в 1672 г., которое составило эпоху в Нижнем Новгороде. Но “апостол”, кажется, по этому случаю впал в ошибку: Симеон убедил его, что раскольники Нижнего предали себя смерти, желая избавиться от материального насилия, угрожавшего их вере, тогда как на деле они совершили это благодаря вспышке религиозной экзальтации.

Трудно уловить в этом отношении мысль Аввакума, так как защитники самоубийства осложнили эту проблему, распространяя за подписью “апостола” ими же составленные писания. Не одобряя по временам самоуничтожение в качестве орудия духовного спасения и рекомендуя его только, как крайнее средство сохранения чистоты веры, в другое время он говорит о нем, как о средстве, избираемом истинными верующими “для спасения души”. Всегда при этом – может быть, намеренно – он выражается неточными терминами. Между тем он не признавал невозможным бороться с царством Сатаны, ни необходимости вследствие этого избавиться от его власти путем смерти. Сам Антихрист признался ему в своей бессилии подчинить себе энергичную волю. Но самоубийство было популярно, и “апостол” вначале даже не смел высказаться определенно против него. Это случалось со многими, подобными ему. Потом он, кажется, был увлечен общим течением и к концу своей жизни без всяких оговорок вдруг остановился на идее добровольного мученичества, подтверждая этот тезис историческими примерами. “Что делать, писал он тогда, для живущих нет могил”. И он принял сам решение умереть с голоду, но потом позволил себя разубедить.

Подобно ему, защитники и организаторы самоубийства редко сами подавали тому пример. В 1687 г. один из самых энергичных из них, Игнатий, был побужден к тому лишь силою. Признавая достоинство “очистительного огня”, другие из них обольщали молодых девушек, которых они приговаривали к смерти. В Романове один из самых знаменитых соревнователей Волосатого считался даже содомитом. Другие из них были воодушевлены самым гнусным личным интересом, бесстыдно присваивая себе имущество своих жертв.

Аутодафе 1672 г. в Нижнем Новгороде является первым известным в истории случаем коллективного самоубийства этого рода. Появление в соседних пустынях и болотах пророка Ефрема Потемкина, объявлявшего

о пришествии Антихриста, сильный голод, опустошавший в то же время страну, создание новой епархии, предназначенной для борьбы с Расколом, и наконец казнь одного раскольника, сожженного по приказу нового митрополита, являлись причинами, побуждавшими к этому событию.

Считали, что Антихрист не только испортил церковь, государство и общество, но даже самые элементы, воду, воздух, землю. Поэтому было необходимо умереть, так как жизнь являлась невозможной! Эта идея потом эволюционировала. Образовались два течения, одно – вышедшее из общей доктрины староверов, другое – из частного учения Волосатого: здесь это был акт благочестия, заменивший собою другие религиозные обряды, которых нельзя было исполнять за недостатком священников. Второе крещение, как его тогда называли, это коллективное самоубийство было напротив понято в виде средства умереть, не поступаясь своими религиозными обязанностями и “не отказываясь от освящения крещением”. И, доставляя удовлетворение самым различным чувствам этими тонкими различиями, страшный обряд распространился в самых различных кругах, закончив однако свое развитие на новой базе: на вере в близкий конец мира.

От 1672 до 1691 г. насчитывают тридцать семь коллективных самоубийств, при чем число их жертв было более 20 000 человек. Пропагандисты иногда употребляли прямо преступные средства. Часто они изобретали преследования, чтобы довести до сумасшествия населения. Они пускали в ход наркотические средства, самое гнусное насилие. Молодые люди прибегали к такому средству, желая избавиться от своих жен. Местные летописи сообщают при этом ужасающие подробности. Вот загорелся костер в загородке. Уже охваченный огнем, один старик стремится перепрыгнуть через ограду, его собственные сыновья отрубают ему руки топором и он падает в пламя. Ребенок десяти лет зовет свою мать, которой удалось спастись “из могилы”, но его отец удерживает его силою. Прибжав посмотреть на это зрелище, какая-то женщина рождает со страху тут же на месте, церковный служитель, играющий роль надсмотрщика, бросает сначала в огонь родильницу, потом крестит ребенка и отправляет его за матерью.

Такие заблуждения, вероятно, неотделимы от всех движений, где выступают на сцену человеческие страсти. Во всех странах и во все эпохи религиозный фанатизм вызывал подобные факты. Пережив такие безумства, раскол в России доказал могучую жизненную силу, которая его воодушевляла. Но он был и является в настоящее время разрушительною силою, а в общем кризисе, который переживала Москва

в конце этого века, он был для нее хотя и в другом смысле концом мира, который болезненно отразился на этой стране. Вскоре обнаружившаяся полная невозможность создать на основании прошлого новый порядок вещей, могущий удовлетворить законным желаниям всего населения, обязанность завещать отдаленному будущему столько беспокоящих проблем, все это создало для России внутренний перелом такой жестокий, что в течение нескольких лет раздавался только ужасный призыв к полному уничтожению.